

СЕМИНАР О.А. РЖАННИКОВОЙ ПО ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПЕРЕВОДУ С БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

Мария Михайловна Громова —

старший лаборант
научно-исследовательской лаборатории
«Русская литература в современном мире»,
филологический факультет,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Почтовый адрес: Ленинские горы, ГСП-1,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
1-й корпус гуманитарных факультетов
(1-й ГУМ), Москва, 119991, Россия
Электронный адрес: marija.gromova@list.ru

Антонина Борисовна Тверицкая —

филолог,
преподаватель болгарского языка,
переводчик и редактор
в лингвистической компании AWATERA
Почтовый адрес: ул. Отрадная, 2Б, стр. 9,
Москва, 127273, Россия
Электронный адрес: tveritskaja@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена студенческому семинару по художественному переводу с болгарского языка, который несколько лет регулярно проводился на кафедре славянской филологии МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством доцента Ольги Александровны Ржанниковой (1955–2014). В статье идет речь о подходе О.А. Ржанниковой к преподаванию болгарского языка и о большой роли разных видов перевода в процессе обучения. Работа на переводческом семинаре представлена глазами участников — студенток славянского и русского отделений филологического факультета МГУ, изучавших болгарский язык как основной иностранный. Специфика работы на семинаре заключалась в активном участии каждого, в подробном разборе и обсуждении всех переводческих вариантов. Для работы выбирались произведения известных болгарских писателей, так что участники семинара не только учились переводить, но и познакомились с современной болгарской литературой. Несколько участников семинара продолжили профессионально заниматься переводом и теперь успешно работают в этой сфере. После смерти О.А. Ржанниковой в 2014 г. работа семинара продолжалась еще несколько семестров: сами участницы вели семинар для всех желающих, пока желающие находились. Цели данной статьи — сохранить память об О.А. Ржанниковой не только как о преподавателе болгарского языка, его истории и диалектологии, но и как о преподавателе перевода, а также привлечь внимание к продолжению традиции перевода болгарской литературы на русский язык. В статье представлены некоторые результаты работы семинара: переводы рассказов Георгия Господинова, Деяна Энева, Петра Чухова, Йордана Радичкова.

Ключевые слова

МГУ имени М.В. Ломоносова, болгарский язык, болгарская литература, славистика, художественный перевод, Ольга Ржанникова

Статья поступила в редакцию 3 марта 2020 г.

Цитирование: Громова М.М., Тверицкая А.Б. Семинар О.А. Ржанниковой по художественному переводу с болгарского языка // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 1–2. С. 206–226.

OLGA RZHANNIKOVA'S SEMINARS ON LITERARY TRANSLATION FROM BULGARIAN INTO RUSSIAN

Mariya M. Gromova,

Senior Laboratory Assistant,
Research Laboratory
“Russian literature in the modern world”,
Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University.
Postal address: Leninskie Gory, GSP-1,
Lomonosov Moscow State University,
1st building of Humanities faculties
(1st GUM), Moscow, 119991 Russia
E-mail: marija.gromova@list.ru

Antonina B. Tveritskaya,

philologist,
teacher of Bulgarian language;
translator and editor,
AWATERA linguistics company
Postal address: 2B Otradnaya str., bld. 9,
Moscow, 127273 Russia
E-mail: tveritskaja@yandex.ru

Abstract

This article is dedicated to the seminars on literary translation from Bulgarian into Russian held regularly over the course of several years for students of the Department of Slavic Philology at Lomonosov Moscow State University by associate professor Olga Rzhannikova (1955–2014). The article discusses Rzhannikova's approach to teaching Bulgarian and the role of different types of translation in training future linguists. The learning process at the translation seminars is described through the eyes of its participants: students of the Slavic and Russian departments at the MSU Faculty of Philology who studied Bulgarian as their primary foreign language. Notable features of the seminars included the active participation of each student as well as the detailed discussion and analysis of all translation options. Seminar participants translated works by famous Bulgarian writers, which allowed them to not only practice their translation skills but also to familiarize themselves with contemporary Bulgarian literature. Several participants went into translation professionally and are currently successfully working in this field. After the death of Olga Rzhannikova in 2014, some of her former seminar participants continued her work teaching translation from Bulgarian to anyone interested. This continued for several more semesters, for as long as there were people still interested in taking the course. The purpose of this article is to preserve the memory of Olga Rzhannikova not only as a professor of Bulgarian language, history, and dialectology but also as a professor of translation, as well as to highlight and preserve the tradition of translating Bulgarian literature into Russian. The article outlines some of the accomplishments of the seminars: translations of short stories by Georgi Gospodinov, Deyan Enev, Peter Chukhov, and Yordan Radichkov.

Keywords

Lomonosov Moscow State University, Bulgarian language, Bulgarian literature, Slavic studies, literary translation, Olga Rzhannikova

Received 3 March 2020.

How to cite: Gromova, M.M., Tveritskaia, A.B., 2020. Seminar O.A. Rzhannikovoi po khudozhestvennomu perevodu s bolgarskogo iazyka [Olga Rzhannikova's Seminars on Literary Translation from Bulgarian into Russian]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 1–2, pp. 206–226.

Несколько не знакомых друг с другом студенток филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в разное время и по разным причинам приняли решение изучать болгарский язык. Тогда мы еще не знали, что нам повезет встретиться с Ольгой Александровной Ржанниковой (1955–2014). Она объединила нас, и, хотя ее нет с нами уже почти шесть лет, память о ней будет объединять нас всегда. Называться ее учениками — большая честь, и мы стараемся соответствовать тем высоким требованиям и тому профессиональному уровню, который она устанавливала для всех своих студентов.

Ольга Александровна была одним из первых преподавателей, с которыми будущие болгаристы познакомились на кафедре славянской филологии. Она вела семинары по практическому болгарскому языку; позже к этим занятиям прибавлялись ее лекции по истории и диалектологии болгарского языка, а также спецкурсы — в частности, «Лексика, фразеология и стилистика современного болгарского литературного языка», «История болгарского языкознания», «Болгарская лексикология и лексикография», «Актуальные проблемы современной болгарской морфологии», «Категория определенности в современном болгарском языке», «Актуальные проблемы болгарской социолингвистики». Кроме того, старшекурсникам Ольга Александровна читала авторский курс по методике преподавания славянских языков.

Ольга Александровна сама была выпускницей филфака МГУ. Она окончила славянское отделение в 1978 г., а в 1988 г. — аспирантуру. Ольга Александровна преподавала в МГУ на межфакультетской кафедре славянских языков, затем в Академии внешней торговли, а в 1992 г. вернулась на нашу кафедру по приглашению тогдашнего заведующего кафедрой Владимира Павловича Гудкова. Здесь в 2000 г. она защитила кандидатскую диссертацию и стала доцентом, здесь же воспитала шесть поколений болгаристов. Несколько человек защитили кандидатские диссертации уже под ее руководством.

Обучая нас болгарскому языку, Ольга Александровна уделяла много внимания переводу. На старших курсах мы осваивали разные виды перевода — как устного, так и письменного. Благодаря лингафонным занятиям по последовательному и синхронному переводам мы выработали привычку быть в курсе событий в Болгарии, письменно же переводили научные статьи, публицистические и художественные произведения.

Уже на первом курсе Ольга Александровна настоятельно советовала нам попробовать себя в студенческом конкурсе художественного перевода с болгарского языка. Этот конкурс организуют филологический факультет и факультет иностранных языков и регионоведения МГУ при содействии Посольства Республики Болгария в Российской Федерации и Болгарского культурного института в Москве; проводится он ежегодно с 2001 г. Все

О.А. Ржанникова
на Дне славянской письменности,
2014 г.

О.А. Ржанникова
на лингафонном занятии,
2014 г.

О.А. Ржанникова
с болгаристками выпуска 2014 года

О.А. Ржанникова
слушает доклад на студенческой конференции,
2014 г.

ошибки и переводческие успехи наших работ затем подробно разбирались на занятиях. Даже те из нас, кто — из-за неуверенности в своих силах или чрезмерной загруженности по учебе — не участвовал в конкурсе, во время этих разборов входили во вкус и азартно «ловили блох» в переводах своих сокурсников. Отмечать удачные находки мы научились не сразу.

Так, исподволь, в нас просыпался интерес к художественному переводу.

В 2011 г. под руководством Ольги Александровны на филологическом факультете МГУ начал работу регулярный переводческий семинар: сперва для группы русистов вечернего отделения с болгарским как основным иностранным, затем — для болгарской группы славянского отделения.

На занятиях по художественному переводу Ольга Александровна учила нас тонко чувствовать текст, работать со стилем, замечать детали, внимательно относиться к каждому слову и понимать, что художественный перевод требует прежде всего безупречного владения родным языком.

Начав с коротких рассказов современных болгарских писателей, мы постепенно учились решать всё более сложные переводческие задачи и через пару лет уже не страшались ни сказа (Йордан Радичков «Все и никто»), ни потока сознания (Деян Энев «Белая ласточка»), ни натурализма (Георги Господинов «Естественный роман»). Свои первые опыты профессионального перевода, в том числе с инославянских языков, мы всегда показывали Ольге Александровне. Мы знали — она рада тому, что наши переводческие интересы вышли за пределы семинара.

Нам хочется верить, что за годы работы с Ольгой Александровной мы достигли достойного уровня переводческого мастерства. Более пяти лет мы побеждаем и получаем награды в различных конкурсах переводов не только с болгарского, но и с других славянских языков. Так, в 2017 г. Антонина Тверицкая заняла первое место на Российско-болгарском литературном конкурсе для молодых прозаиков и переводчиков, посвященном 140-летию начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и организованном Литературным институтом имени А.М. Горького и Союзом болгарских писателей. В том же году Мария Громова стала победительницей Всероссийского конкурса научного и художественного перевода, заняв первое место в номинации «Поэтический перевод со словенского языка» с переводом стихотворения Ивана Цанкара. Конкурс проводил Центр славянских культур в Москве при поддержке Форума славянских культур, в жюри входили самые известные переводчики-слависты.

Нам довелось работать с известными писателями, поэтами, драматургами, музыкантами и актерами из Болгарии и других стран — ведь болгарским языком мы не ограничиваемся. Ольга Александровна научила нас не бояться новых и сложных задач, поэтому мы работаем в разных форматах и жанрах. Так, Мария Громова и Антонина Тверицкая уже занимались переводами песен, художественных фильмов, пьес и спектаклей; Екатерина Струганова (сейчас — младший научный сотрудник Института славянове-

дения РАН) переводила документальные фильмы, вышедшие на федеральных телеканалах; Ольга Московцева в 2018 г. попробовала себя в роли редактора сборника рассказов. Мария Громова совместно с Марией Цой (тогда — аспиранткой Института стран Азии и Африки) в 2016/17 учебном году вела авторский семинар «Трудности перевода» в Школе юного филолога имени Л.М. Баш.

Мы публикуем наши переводы в сборниках и участвуем в крупных проектах.

В 2016 г. в сборнике «Антология современной словенской драматургии» (издательство «Новое литературное обозрение», серия «Драма») вышла «ностальгическая комедия» Тоне Партлича «Чай для двоих» в переводе Марии Громовой. А в 2018 г. в серии «Новый болгарский роман» вышла книга Виктора Паскова «Детские истории взрослого человека», одну из повестей в которой перевела Антонина Тверицкая. Книги проекта публикует издательство «Центр книги Рудомино» при поддержке Болгарского культурного института в Москве и Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино.

Мы знаем, что школа Ольги Александровны — это знак качества, поэтому всегда стараемся выполнять свою работу на достойном уровне, так, чтобы Ольга Александровна могла сказать: этот перевод сделан профессионально. Когда она говорила так, это означало самую высокую оценку, а для нас звучало как похвала и было поводом для гордости.

Семинар продолжил свое существование после смерти Ольги Александровны — в течение нескольких семестров мы вели его для младших коллег-болгаристов.

Представляем несколько переводов, сделанных на этом семинаре, в том числе три варианта перевода сказки Петра Чухова «Имало едно време», чтобы показать, как выбор переводчика может повлиять на восприятие произведения на другом языке. Мы надеемся, что наши работы привлекут внимание новых поколений болгаристов и традиция семинара будет продолжена.

ГЕОРГИ ГОСПОДИНОВ

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Перевод Ольги Московцевой

С раннего детства мы вкушали премудрости писательского ремесла, и для первых литературных опытов не нашлось места лучше закусочной в нашем квартале, где отец каждое утро брал суп из коровьих желудков и лимонад. Столы там были квадратные, клеенки — все в дырах от сигарет, окно выдачи — жирное, а стекла — запотевшие от горячей похлебки, на которую все шумно дули, а потом хлебали, изрядно приправив уксусом и чесноком. Именно там, на синей пластиковой табличке, висевшей на стене,

я впервые прочитал: «Писатели — хирурги души человеческой. Они должны вырезать из нее всё гнилое и разложившееся». Что делала именно здесь эта надпись? Я читал ее по слогам каждый раз, когда ел похлебку. Одна ложка — «хирурги», другая ложка — «гнилое», третья — «разложившееся».

Особый вкус был у этого супа.

Мы впервые услышали «Кармен» и «Маленькую ночную серенаду» возле дверей одноклассницы в исполнении электрического звонка, который подарил ей отец — он был дальнобойщиком и ездил за границу. Мы учились в первом классе и страшно завидовали и однокласснице, и ее папе. Заграница была для нас как отдельная страна, вроде Франции или Италии, только гораздо привлекательнее. Ведь только там водились электрические звонки, жвачки в виде сигарет и шоколадки размером с пол-локтя. Родители уверяли нас, что за границей нет такой природы и кислого молока. Но для нас и природа, и кислое молоко были одинаково безвкусны.

Мы впервые увидели Эйфелеву башню как маленький сувенирчик с комнатным градусником, поэтому анекдот про болгарина, который, оказавшись возле Эйфелевой башни, долго ходил вокруг нее и искал, где же градусник, еще не казался смешным.

Венецианские гондолы ассоциировались у нас с ночными музыкальными лампами, а Акрополь — с фарфоровой пепельницей. В каждом доме висели: в спальне — «Мона Лиза», в холле — «Тайная вечеря», а в кухне — натюрморты с фруктами и разрезанными арбузами.

Золотой век общей культуры.

И вот мир оказался зауряднее, чем мы думали. Выяснилось, что Бременские музыканты не были беременны, а просто приехали из города с соответствующим названием. И Пиза совсем не похожа на то, что можно использовать как ругательство. И индейцы никогда не жили в Индии, и Гойко Митич не краснокожий, и другие достойные сожаления вещи.

Много смерти мы увидели тогда, многое пошло прахом.

Осталось только странное сходство, на котором упорно настаивала учительница географии, проводя указкой по границам Болгарии на ободранной карте мира. Сходство с повернутым лицом к морю (и задницей к западу) страшным львом. Такое сходство должно было вдохновить нас и, как потом выяснилось, впечатлить другие народы. А мы-то боялись, что драный лев ненароком проглотит нашу бедную учительницу. А еще мы боялись с юго-восточных границ (примерно там мы находились) наступить по невнимательности льву на передние лапы, или что какой-нибудь дикарь с северо-запада дернет его за хвост. И если лев встанет и отряхнется, что тогда с нами будет...

«Хороший лев... хороший лев», — повторял я каждый вечер перед сном, поглаживая атлас и трепеща от страха за учительницу географии.

ГЕОРГИ ГОСПОДИНОВ***КРИСТИН, КОТОРАЯ МАШЕТ ИЗ ПОЕЗДА***

Перевод Екатерины Стругановой

Она так решила — всем махать рукой.

Поезд шел по Центральной Европе, где-то за Татрами, сквозь славянские пейзажи, ряды скошенной люцерны, одуванчиков и маргариток. Мак вдоль рельсов рос сумасшедший. У меня было ощущение, что все центральноевропейские железнодорожные компании кормятся от продажи опиума. Солнце уже садилось, и закат на этих равнинах обещал быть бесконечным, а Кристин, высунувшаяся из окна, блестела как фольга. И мне пришло в голову, что, по мнению некоторых людей, взмах крыла бабочки может изменить мир.

Она повернулась ко мне и сказала, что она — не бабочка... и тем более не из фольги. Иногда у нее были действительно изумительные способности. Она опять высунулась наружу и энергично помахала рукой какому-то пожилому деревенскому мужчине. Человек ее заметил, мгновение колебался, мне показалось, что даже застенчиво оглянулся вокруг, и помахал в ответ.

Вот Кристин опять обернулась: «Думаю, что приветствие его обрадовало».

— Приветствие разбило ему жизнь, — ответил я. — Теперь представь себе, как этот мужчина приходит домой, как стареющая и тяготящая его жена дает сено ослу, кашу пороссятам, загоняет овец и садится около дома на погнутое сиденье грузовика. А ты всё это время не выходишь у него из головы. Кроме того, ты адски напоминаешь ему женщину, которую он так глубоко спрятал в своей памяти, что не позволял себе думать о ней уже 38 лет. И чем больше он думает, отпивая мастики, потому что тем временем он взял себе бутылочку, тем больше понимает, что всё прошло мимо него, вот как этот поезд. Просто поезда не останавливаются здесь, в его гребаной, маленькой, грязно-желтой, как описанная стена вокзального туалета, жизни. И в этот момент его жена в белесом халате с розовыми цветочками выходит на порог и говорит, чтобы тот перестал напиваться и шел домой ужинать, а он не смотрит на нее, и ему так плохо, что даже не хочется бросить в нее бутылку. И сейчас словно тот же поезд, что и 38 лет назад, возвращается и очень медленно по нему проезжает. Ужасающе медленно...

Я почувствовал, что мое воображение приобретает какую-то садистскую инерцию, и замолчал. Кристин сжалась на сиденье у окна и смотрела на меня почти испуганно.

— Ты серьезно?

— Я тебя предупредил. Нельзя вмешиваться в чью-то жизнь даже взмахом руки. Иногда нехотя становишься их судьбой.

– Глупости. Как это отвратительно — вплетать всё в какие-то истории.

И чтобы показать, насколько она убеждена в том, что говорит, она резко повернулась к окну и специально помахала зрителю в широкой униформе, мирно стоящему в стороне от проезжающего поезда. Зритель так и остался строгим, лишь приподнял выразительно брови и, сколько мог, следил глазами за машущей Кристин. Я уверен, что еще несколько минут он так и стоял, повернув влево голову. Кристин выглядела неотразимо в так и не заканчивающемся закате.

– Почему он не ответил, а?

В голосе звучала обида, а в глазах читалось обвинение, словно я утаивал ответ к истории, известной лишь мне. Я объяснил, что он на работе, и его приветствие могло быть истолковано машинистом совсем по-другому.

– Несмотря на это, ты ему очень понравилась, — добавил я. — Он еле стерпел, чтобы не помахать в ответ.

Она скорчила рожицу, которая должна была означать, что ей всё равно, нравится ли она какому-то зрителю или нет. Но через некоторое время она добавила как бы между делом:

– Если я уж так ему понравилась, мог бы и ответить, чего бы это ни стоило.

– Я уверен, он уже жалеет. Только представь, что бы было, если бы он не сдержался и размахался, как... — я хотел сказать «как клоун», но это бы обидело ее, и я внимательно продолжил. — Машинист бы этот взмах бог знает как истолковал. Может быть, он бы переехал на другой путь, и мы бы с тобой уже летели навстречу какому-нибудь поезду. И так твой зритель навсегда бы потерял шанс встретиться с тобой снова. Думаю, всё это промелькнуло у него в голове за секунду и остановило его.

Эта версия ей определенно понравилась, но она хотела услышать всю историю.

– Только не пытайся мне рассказывать всякие ужасы, как в прошлый раз.

Я ее успокоил, что здесь — совсем другое дело, и сейчас она на счастье вмешалась в судьбу молодого зрителя. Я был вынужден подробно рассказывать, как с этого момента ни один поезд не будет для него обычным, а потенциальным перевозчиком самого лучшего, что он видел в жизни. И как все пассажиры с этого дня будут видеть влюбленного зрителя, взглядом провожающего окна проходящих поездов...

Пока Кристин слушала мою историю, она пропустила возможность вмешаться в жизнь семьи с детской коляской, трех цыганят, восторженно махавших у шлагбаума, бабушки и двух собак.

ДЕЯН ЭНЕВ**БЕЛАЯ ЛАСТОЧКА***Перевод Антонины Тверицкой*

Чечо сквозь сон слышит, как Мария говорит ему: давай, Чечо, пора вставать, сынок, и он встает, линолеум под его ногами холодный, как лед, он теряет равновесие и ударяется о дверь, ступни прямо примерзают к полу в коридоре, вода тоже ледяная, руки деревенеют от холода, умывайся скорее, а то опаздываем, слышит он мамин голос, но откуда-то очень издалека, как будто их разделяет целая гора из ваты, он снова идет в комнату, и его ступни оставляют мокрые следы на линолеуме, голова качается взад-вперед, пока мама одной рукой одевает его, а другой сует ему в рот хлеб, скорее, а то опоздаем, но как они ни спешат, всё равно опять опаздывают, коридоры школы пусты, в классе Чечо все дети уже сидят за партами, а госпожа Байкушева ходит перед доской туда-сюда, как тигрица, и, едва увидев Чечо, начинает злиться, Мария подталкивает его и говорит: иди, я буду ждать тебя после уроков возле школы, и закрывает за ним дверь, и в тот момент, когда она ее закрывает, у Чечо внутри всё холодеет, потому что сейчас госпожа Байкушева скажет: заходи уже, ты всегда, что ли, будешь приползать последним, как улитка, а дети начнут дико кашлять и дико хохотать и будут ставить ему подножки, когда он наконец соберется с духом и по проходу между партами отправится к своей парте, где его ждет во весь рот ухмыляющийся, как череп на пиратском флаге, Антон, садись-садись, глиста, скажет Антон приветливо, но Чечо сядет на самый краешек стула, подальше от Антона, потому что сейчас начнется самое страшное, все пять уроков Антон будет тыкать его шилом, как он говорит, чтобы Чечо не спал, некоторое время назад Антон принес в школу шило и с тех пор, как их посадили за одну парту, Антон регулярно тыкает его под предлогом, что Чечо спит, раньше, когда он только начал так делать, Чечо вздрагивал и иногда даже падал со стула, но госпожа Байкушева написала ему в дневник несколько замечаний, что он вертится на уроке и нарушает дисциплину, и теперь Чечо научился терпеть, он только краснеет и бледнеет и время от времени шепчет: ну хватит, Антон, но это только раззадоривает Антона, и он начинает колоть его в ногу еще сильнее, в левую ногу, которая уже была похожа на решето, хорошо, что наконец звенит звонок и Антон убегает во двор гоняться за девчонками, а Чечо дремлет за партой, нагретой утренним солнышком, он почти счастлив от мысли, что уроков остается всё меньше, уже четыре, а не пять, ну хватит, Антон, ну хватит, Антон; дай дневник, что ты постоянно вертишься, Христомир, мало того, что ты дурак, так ты и не слушаешь на уроке, встань сейчас же, будешь стоять до звонка, это хорошо, так Антон не сможет достать его, но это не мешает ему постоянно грозить иголкой, ухмыляясь, как череп на пиратском флаге,

снова звонок, Чечо уже не знает, который это урок, класс, встать, здрасте, госпожа Байкушева, класс, садитесь, уроки сливаются в бесконечное тыканье шилом, и где-то там, на пределе его сил, когда Чечо будет казаться, что он вот-вот свалится на пол от боли и голода, дверь класса скрипнет, и он увидит маму, Мария идет мимо пустых парт к нему, другие дети уже ушли, унеслись, и он остался в классе один, стоит возле парты, Мария помогает ему собрать учебники и тетради, выпавшие из портфеля на пол, и наконец они вдвоем идут по лестнице, и Мария говорит, что учительница сказала, что сегодня они проходили какой-то рассказ Йовкова, про белую ласточку, что Чечо надо хорошо подготовиться, завтра учительница спросит его по этому рассказу, что там за белая ласточка, спрашивает мама, а, сынок, ты слушал, о чем говорили на уроке, а Чечо пожимает плечами, он не знает ни о какой белой ласточке, и Мария сердится и тоже начинает кричать: какой бестолковый, господи, как только я родила такого идиота, господи, за что ты меня наказываешь, за что мне такие мучения, боже мой, а Чечо идет рядом с ней по скверу и знает, что скоро она успокоится, и он почти счастлив, на улице тепло, вокруг всё зеленое, на проводах сидят птицы, мимо его лица пролетают крохотные мошки, Антона нет, сейчас они с мамой придут домой, ничего, что Мария кричит, она добрая, она нальет ему тарелку горячего супа со шпинатом, дождется, когда Чечо поест, потом уложит его в постель, и он сразу заснет, потому что только во сне он меньше точки, и никто его не замечает и не обижает — его, Чечо, которого завтра спросят про белую ласточку, но она еще не скоро, совсем нескоро, она только завтра, эта противная белая ласточка.

ДЕЯН ЭНЕВ

СОЛЕНОЕ И СЛАДКОЕ

Перевод Марии Громовой

- Пап, фасоль готова.
- Пусть еще покипит.
- Лазмешать?
- Размешай.
- А это как называется?
- Это называется ошав¹.
- А почему ошав?
- Не знаю. Так называется.
- Его тоже лазмешать?

¹ Ошав — компот из сухофруктов с медом или сахаром. В Болгарии ошав, наряду с вареной фасолью и обрядовым хлебом, — обязательный элемент ужина в Сочельник.

- Размешай. Э... погоди. Да погоди ты! Не этой ложкой.
- Почему не этой?
- Потому. Потому что одно соленое, другое сладкое.
- А хлеб подошел?
- Да уже должен.
- Посмотлеть?
- Посмотри. Только осторожно, не обожгись.
- Я остоложно.
- Подошел?
- Нет.
- Как это нет, если он уже готов! Да ну тебя. Ну-ка отойди от духовки, я достану.
- Пап?
- Чего?
- Почему говорят «подошел», если он никуда не подошел, а лежит в духовке?
- Ну вот так говорят. Откуда я знаю.
- А когда мы есть будем?
- Скоро.
- А почему нельзя вместе соленое и сладкое?
- Потому что бурда получится.
- А что такое булда?
- Когда мешаешь соленое и сладкое.
- А лазве когда ешь фасолю и потом ошава, они в животе не пелемешиваются?
- Надо говорить «когда ешь фасоль и потом ошав».
- Холошо. Когда ешь фасоль и потом когда ешь ошав... Ну?
- Чего ну?
- Они ведь в животе пелемешиваются?
- Ну... Ну вот ты, например, можешь одновременно плакать и смеяться?
- Могу.
- Фиг ты можешь.
- Ну ладно. Не могу. Но мама ведь может? Когда мы ей звоним, она в телефоне то плачет, то смеется.
- Бог с ней, с мамой. Мамы, они такие.
- Когда мы позвоним маме?
- Попозже. Она сейчас на работе в пиццерии.
- Вечел же. Как это на лаботе?
- В Америке еще день.
- Сколько там сейчас влемя?
- Отсчитай назад семь часов. Семь или восемь, точно не скажу. У нас сейчас сколько?
- Сейчас посмотлю на твоих часах. Десять и одна половинка.

- Значит, половина одиннадцатого.
- Да. Половинка одиннадцатого.
- Значит, сколько сейчас в Нью-Йорке?
- Не знаю.

– Ну вот смотри. Отсчитываем назад семь часов: десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре... Там сейчас половина четвертого. Твоя мама на работе до пяти. Потом еще полтора часа едет с работы... Придет самое раннее полседьмого, ну в семь. Значит, тут, в Болгарии, сколько времени будет?

- Полвосьмого.
- Да ты вообще не соображаешь.
- Нет. Сооблажаю.
- Не соображаешь. Совсем мозгами не шевелишь. Как болван какой-то.
- Сам болван.

– Ладно. И я болван. Давай не ругаться. Если у нас пол-одиннадцатого ночи, в Нью-Йорке полчетвертого. То есть... когда там семь вечера, у нас будет — прибавляем еще семь часов, вот так, считаем — от семи до двенадцати будет пять часов и еще два — значит, у нас будет два часа ночи. Понял?

- Понял.
- Повторить?
- Нет.

- Значит, ты не болван?
- Ничего я не болван. Ты сам болван.

– Ладно, ладно... Христо, погоди, не сердись. Давай не ругаться. Дед Мороз сейчас в окна смотрит. Где ругаются, он туда не заходит.

- Когда он к нам плидет?

– Когда уснешь. Когда дети уснут, он тихонько входит, кладет подарок под елку и спешит дальше.

- А мне он что плинесет?
- А что ты у него просил?
- Я плосил машинку с пультом.
- Значит, он и принесет это самое... машинку с пультом.
- Да, только я уже не хочу.
- А что хочешь?

– Хочу мобильник. Маме звонить. А ты знаешь, что в садике у всех есть мобильник? И у Килюшки, и у Боби, и у Малианы.

– Не знаю. Дед Мороз мысли не читает. Что ты у него просил, то он и принесет.

- И плюс у нас нет елки.
- Как это нет. А это что?
- Это одна веточка только. Никакая не елка.

– Очень даже елка. Не надо. Да ты уже засыпаешь, бормочешь невесть что. Давай-ка за стол садиться.

– Двайкзастолсадица, двайкзастолсадица, двайкзастолсадица...

– Так, неси хлеб на стол. Вот твоя фасоль. Вот моя. Ложки клади. Это твоя миска ошава. Это моя. Подожди. Пока не ешь. Я сейчас зажгу лампаду, и прочтем «Отче наш». Так. Если хочешь, повторяй за мной. Готов? Отче наш...

– Отче наш...

– иже еси на небеси...

– иже еси на небеси...

– да святится имя Твое...

– да святится имя Твое...

– да придет царствие Твое...

– да приидет царствие Твое...

– да будет воля Твоя...

– да будет воля Твоя...

– яко на небеси и на земле...

– яко на небеси и на земле...

– хлеб наш насущный даждь нам днесь...

– хлеб наш насущный даждь нам днесь...

– и остави нам долги наши...

– и остави нам долги наши...

– якоже и мы оставляем должникам нашим...

– якоже и мы оставляем должникам нашим...

– и не введи нас во искушение...

– и не введи нас во искушение...

– но избави нас от лукавого.

– но избави нас от лукавого.

– Вот так. Теперь садись. Тебе вина плеснуть?

– Можно.

– Ну, с Рождеством, сынок.

– С Рождеством, пап.

– Ну давай приступать. Смотри, какой у нас красивый хлеб получился.

– Пап?

– Ну.

– А что это значит — «Отче наш»?

– Отче значит отец. «Отче наш» значит «наш папа».

– А кто такой этот «Отче наш»?

– Это Бог-Отец. Отец Господа нашего Иисуса Христа.

– Ага. Ясно. Пап, а можно кое-чего сплосу?

– Спрашивай, сынок.

– Можно я буду есть одновременно и фасоль, и ошав?

– Можно, сынок. Можно.

ПЕТАР ЧУХОВ**Жил-был***Перевод Марии Громовой*

Жил-был Жил-был. Был он довольно одиноким, и очень ему хотелось поселиться в начале какой-нибудь сказки. Но сказки попадались редко, так как человек еще не стал человеком. Ходил себе грустно туда-сюда наш Жил-был, крутился возле каждой обезьяны, надеясь залезть ей в рот и достать оттуда хоть что-то похожее на сказку, но у обезьян, видимо, или не было сказок, или они ими не делились друг с другом. И вот уставший Жил-был, после того как бесконечно долго кружил и нигде не мог найти сказку, лег и уснул.

А проснулся — ну и ну: рядом так и спуют люди, сказок полно, и у каждой третьей в начале расположился какой-нибудь Жил-был, а то и Жили-были! Вскочил наш Жил-был, чтобы найти себе сказку, но было уже поздно: все подходящие были заняты! Делать нечего, сел бедняга и заплакал. Очень ему было тяжело, что проспал удачу.

Тут как раз я проходил, и стало мне его жаль (всё, что плачет, — даже плакучая ива — серьезно меня печалит). Я сказал:

— Слушай, не плачь! Я сейчас напишу сказку, и все будут тебе завидовать, потому что ты не только встанешь в ее начале, как обычный Жил-был, но и будешь гулять по ней как хочешь! Сможешь даже в конце ее сесть и там болтать ногами!

Жил-был очень обрадовался, засмеялся, и его слезы стали жемчужинами. Я их взял себе на всякий случай. И, как обещал, принялся за сказку. Может быть, я и исказил ее чуть-чуть, потому что пока я ее писал, счастливый Жил-был всё тыкался в меня мордочкой. Но вроде вышло неплохо, а что скажете? И, само собой, конец у нее такой: сидит себе там и болтает ногами самый важный, самый лучший, чудесный Жил-был!

ПЕТАР ЧУХОВ**Жили-были***Перевод Антонины Тверицкой*

Жили-были однажды Жили-были. Больше всего на свете им хотелось, чтобы с них начиналась какая-нибудь сказка. Но сказки тогда встречались редко, потому что человек еще не стал человеком. Вот и бродили Жили-были среди обезьян, заглядывали каждой в рот, надеясь вытащить оттуда что-нибудь, хоть немного похожее на сказку. Но у обезьян, очевидно, или не было сказок, или они не хотели ими делиться. Долго искали Жили-были сказку, но так и не смогли найти. Усталые и грустные, они легли отдохнуть и заснули.

Когда же проснулись — смотрят: вокруг полно людей, сказок — пруд пруди, и у каждой третьей в начале уже пристроились другие жили-были! Вскочили наши Жили-были, побежали на поиски, но поздно: все подходящие сказки были заняты! Что же им делать, бедняжкам? Сели Жили-были и заплакали. Им было ужасно обидно, что они всё проспали.

Мимо проходил я. Мне стало их жалко (всегда расстраиваюсь, когда вижу, как кто-то плачет, даже если это плакучая ива), и я сказал:

– Не плачьте! Хотите, я напишу сказку, такую, что все вам будут завидовать? Вы не только встанете в начале, как простые жили-были, но будете гулять по всей сказке, везде, где вам захочется! А в конце можете даже сесть и свесить лапки!

Жили-были очень обрадовались, засмеялись, и их слезинки превратились в жемчуг. Я на всякий случай его собрал. И, как и обещал, сочинил сказку. Может быть, у меня получилось не совсем ровно, потому что пока я писал, счастливые Жили-были всё время терлись об меня мордочками. Но в целом вышло неплохо, правда? Как вы думаете? И, конечно, завершается сказка так: вот сидят, свесив лапки, самые важные, самые лучшие, чудесные Жили-были!

ПЕТАР ЧУХОВ

ДАВНЫМ-ДАВНО

Перевод Екатерины Стругановой

Давным-давно жило Давным-давно. Ему было одиноко и очень хотелось поселиться в начале какой-нибудь сказки. Но сказки тогда редко встречались, ведь человек еще не очеловечился. И гуляло оно туда-сюда, это Давным-давно, сталкивалось с обезьянами в надежде попасть на язык и вырвать что-нибудь похожее на сказку, но у обезьян или сказок не было, или они их никому не давали. Оно очень долго странствовало и нигде не могло найти сказку. Тогда уставшее Давным-давно легло и уснуло.

А как проснулось — что видит: вокруг спуют люди, сказок полно, и в каждой третьей в начале расположилось какое-нибудь давным-давно! Наше Давным-давно побежало искать себе сказку, но уже было поздно: все подходящие были заняты! Что же делать ему, горемычному? Село оно и заплакало. И было ему очень тяжело, что проспало свою удачу.

Тогда проходил мимо я и как увидел его, пожалел (всё, что плачет — даже плакучие ивы — меня очень расстраивает). И сказал:

– Смотри, не смей плакать! Сейчас я напишу такую сказку, все тебе завидовать будут, потому что встанешь ты не только в начале как самое обыкновенное давным-давно, а везде по ней гулять будешь! Даже сможешь сесть в конце и болтать ногами!

Давным-давно очень обрадовалось, засмеялось, и слезы его стали жемчужинами. Я их собрал на всякий случай. И, как и обещал, подхватил сказку. Может быть, я ее немного искажил, потому что, пока я ее писал, счастливое Давным-давно тыкалось в меня мордочкой. Но получилось хорошо, мм... Что скажете?! И, конечно, заканчивается она так: сидит тут и болтает ножками самое важное, самое красивое, чудесное Давным-давно!

ЙОРДАН РАДИЧКОВ

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «ВСЕ И НИКТО»

Перевод Марии Громовой

*Письмо от разбойников деревни Косталево,
Врачанская область,
отправленное почтой автору
в связи с рукописью «Все и никто».*

Что мы разбойники, как нас анонимно проводит милиция под грифом «строго секретно» и тайные инструкции разослала по всем своим милиционерским участкам, касаемо этого двух мнений быть не может, но наше разбойничество, оно для наваара, а у городских дачи не для наваара, потому что когда мы их спрашиваем: «Вы их для наваара строите или как?», они не знают, что такое навар, потому что в свой черед нас спрашивают: «Как это для наваара?» А что оно не для наваара, это не только из деревни видать, это от самого Дуная видать, что эта пригородная зона, так называемая дачная, рядом не лежала с наваром, а лежала со всем остальным.

На самом-то деле мы ведь не по всем дачам шуруем — их восемь тысяч (8) рассыпано вокруг Веслеца, Станки и Дубника, а шуруем только по тем, которые в глаза лезут, торчат там наверху в виноградниках, как шлюхи, за версту орут: «Сюда, ко мне давай!» Ну и как же тут к ней не свернуть, не помазать, значит, как следует такую дачу и всё такое, раз уж она сама себя предлагает, и т. п.! На самом-то деле ведь эти дачники, как свой виноград соберут, они вместе с виноградом увозят и имущество со своих дач, и ковры, и обожуры (читай *абажуры*. — Прим. автора), запирают ворота на десять замков и вот такенные доски вешают на дверь, и со всей грамотностью и очень разборчиво такими вот здоровенными буквами на досках пишут: «Просьба не ломать двери и засовы, имущества на даче нет!»

А мы прочитаем и припишем тоже очень разборчиво и грамотно: «Есть оно или нет, мы обязанные проверить и проверим!» — и проверяем, значит, и оказывается при проверке, что хозяйева не пишут как есть, а наоборот, развешивают эти доски для маскировки, чтоб усыпить нашу бдительность, чтоб мы им поверили и слиняли, а некоторые предупреждают, что и собака во дворе есть. А мы не верим ихним предупреждениям грамотейским

и независимо от того, есть или нет имущество там или собака, считаем своим долгом проверить, потому что с этого мы и имеем навар и потому что мы убеждены, что если тот свет и вправду есть, значит, мы туда все попадем — а эти из пригородной дачной зоны вперед забегут и вот такими огромными буквами на двери напишут, что нету ничего на том свете и во дворе злая собака, а мы пойдем себе следом, значит, и припишем: «Есть или нет, мы обязанные проверить и проверим!» Вот таким образом мы и на том свете наваримся!..

ЙОРДАН РАДИЧКОВ

ПРИХЛОПНИ МУХУ!

*Перевод Антонины Тверицкой
и Марии Громовой*

Меня всегда удивляло легкомыслие некоторых людей, считающих, что прихлопнуть муху — проще простого. Я слышал, что в Китае нет ни одной мухи, и что если, например, во время собрания таковая появляется, то собрание прерывает свою работу, муху убивают, и только тогда работа продолжается. В наших магазинах летом я видел, как продавец оставляет прилавок, берет палку с кусочком кожи на конце и начинает бить мух. Однажды в парикмахерской мастер так долго гонял мух, что пена у меня на бороде засохла, словно мел. Видел я, как кошка лапой убивает мух, сидящих на стекле, а собаки их ловят, страшно щелкая челюстями.

Летом мухи становятся злыми и кусачими, как собаки. Коровы истребляют их с помощью хвостов, одним взмахом они убивают десятки мух. Бог был бесконечно мудр, когда давал хвосты этим животным. Муху же Он благословил удивительным нахальством, но когда выпускал насекомое с длани Своей, то, вероятно, сказал всему сухопутному миру: «Прихлопни муху!» С тех пор мы продолжаем ее уничтожать, преграждаем ей путь липкими лентами, топим ее в ядовитых растворах, бросаем отраву ей в глаза, она умирает, и на ее месте появляется новая.

Бывают мухи, которые ни перед чем не останавливаются на своем пути. На прошлой неделе компания друзей собралась за столом, все крепкие, мускулистые мужчины, но они быстро смягчились, увидев, что к ним влетела муха. Муха покружила вокруг стола, села, попробовала все закуски, хлебнула вина, вино ей понравилось больше закусок, поэтому она налегла на него и всё время похлопывала друзей по плечам, жужжа громче всех. Наконец друзья вывели муху, поддерживая ее под мышки — она уже едва держалась на лапках — и оставили ее на улице, а муха всё продолжала жужжать: «Ты меня уважаешь? Скажи, ты меня уважаешь?» Потом она побрела по улице, шатаясь из стороны в сторону, встретила другую компанию друзей и тут же увязалась за ними, чтобы рассказать им, как ее здесь бросили.

Новая компания решила заскочить в уходящий трамвай, но и муха была не лыком шита, она устремилась за трамваем и гналась за ним, пока наконец не вспомнила, что ей негде спать. Тогда она пошла с каким-то человеком к нему домой. Человек лег на кушетку, а муха заняла кровать и всю ночь храпела.

Вот как муха может прогнать человека даже из собственной кровати, а говорят, что прихлопнуть муху — это легко!

Однажды молодая женщина объясняла судьям на суде, что ее муж связался с мухой. Они совсем недавно поженились, и жена заметила, что какая-то муха всё крутится возле мужа, но вначале особо не обращала на нее внимания. Потом муха начала названивать ей домой. Я не знаю, как муха может звонить по телефону, но женщина настойчиво утверждала, что да, звонила, и даже пересказывала целые пассажи из того, что ей говорила муха. Затем муж начал пропадать по вечерам и в конце концов жена решила рассказать кому-нибудь о мухе. Человек, с которым она поделилась, оказался догадливым. Вдвоем они выследили мужа, видели, как он встретился с мухой в кафе, затем, как стемнело, зашли вслед за ними в сад. Господи Боже, он целовался с мухой! Мухе, как видно, было очень весело, потому что она смеялась, как будто ее щекотали. Тогда жена вскипела и залепила пощечину мухе, а муха принялась рвать на себе волосы. Волосы у нее были выжжены в парикмахерских и выдирались без труда. Увидев, что муж сейчас уйдет, муха сразу же к нему прилипла, потому что она муха и ей это легко, разумеется. Вот свидетель, он может всё рассказать. Судьи спросили свидетеля, так ли всё было с этой мухой, и он сказал, что так. Муж тоже признался, ну а где трое говорят одно и то же, там для суда уже истина... Так что если иногда человек изо всех сил старается избавиться от мухи, то в других случаях он ходит за ней по пятам и может даже переспать с ней, насколько бы странным нам это ни казалось.

А есть и такие примеры, связанные с мухой, которые едва ли можно объяснить. Как-то зимой на свадьбу привезли подарки. Возчик распряг лошадь, но всё держал ее под уздцы и что-то соображал. Потом схватил петуха, потребовал, чтобы ему дали связку перцев, повесил ее себе вроде бус на шею и привязал еще на сбрую лошади два вышитых полотенца, чтобы было попестрее. Подружки невесты, покрасневшись, танцевали возле него в снегу, их мониста звенели и подскакивали. Они танцевали, улыбались во все щеки и спрашивали его, что он думает делать. Крестьянин с лошадей сказал им, что у него вертится какая-то муха в голове. Вертится у меня какая-то муха, сказал он, ну да посмотрим, что из нее получится.

Сел на коня, попросил фляжку и двинулся с фляжкой, петухом и связкой перца на шее прямо к дому. Дом в три этажа, высокий, на верхнем этаже празднуют, и слышно, как гремит музыка. Лошадь с седоком стали подниматься по лестнице, а подружки невесты танцуют себе следом. Так лошадь и человек вошли прямо в дом. Но ведь на свадьбе всегда тесно,

лошади некуда ступить, наступила на стол, половина посуды кувырком, несколько ведер с вином перевернулись. Гости бросились назад, чтобы лошадь их не затоптала, а наш крестьянин сидит верхом, в одной руке держит петуха, в другой — фляжку. Набрал воздуха, сколько нужно было, и как завопит: «Иииии-ху!» Стащили его с лошади тут же, а братья жениха вывели лошадь. «Что на тебя нашло?» — спрашивают его гости. «Да вот какая-то муха мне в голову залетела, — сказал им крестьянин. — Решил я заехать сюда верхом и сказать и-ху! И всё тут!»

«Ах вот оно что!» — сказали гости и приподняли его, чтобы выкинуть в окошко и чтобы, значит, муха у него из головы вылетела. Крестьянин завопил: «Пресвятая Богородица!» — но они не обратили никакого внимания на эти религиозные возгласы и кинули его в снег. Человек взбежал по лестнице и спросил в дверях: «Можно мне войти? Муха улетела». А гости ему говорят: «Заходи!» Он снова сказал: «Пресвятая Богородица!» — свернул петуху голову и дал его подружкам невесты — ощипать. Муха его больше не навещала.

По поводу этой истории старые люди рассказывали страшные вещи о варварской шпанской мухе. Когда появилась шпанская муха, скот и люди мерли как мухи, по всем дворам стелился дым — жгли мокрую солому и вонючую траву. Да изведешь ли муху! Всё спряталось по домам, сидело на корточках под окном и только выглядывало, как муха свирепствует на улице, как янычар. Деревенский бык порвал цепь и в бешенстве выскочил на улицу. Наткнулся на муху, наставил рога — но муха его задавила, и он вмиг издох. Вот какая страшная была эта муха, и слава богу, что она с тех пор нас не навещала!

В детстве мы ловили живых мух, втыкали им соломинки в брюшко и отпускали. Они всегда улетали с соломками, как будто ничего не случилось, будто мы их только пощекотали чуток. Еще мы ловили живых мух, отрывали им головы и отпускали, а они крутились на месте и подскакивали, но умирать не хотели. Помню, мы, дети, не могли понять, как это муха живет без головы — ведь курица всегда умирает, и утка тоже, и лягушка. Как-то среди стада овец мы увидели ягненка. Он крутился на одном месте и вскрикивал. Подошел пастух, посмотрел на ягненка и потянулся за ножом. Мы спросили, зачем нож, а он сказал, чтоб прирезать ягненка, потому что у него вертячка. Тот действительно всё вертелся в одну сторону, как мухи, которым мы отрывали головы. «А как на него эта вертячка нашла?» — спросили мы пастуха. «Вы ведь видали, конечно, — сказал он нам, — что овцы целый день фыркают. Щиплют траву и фыркают. Как фыркнет посильнее, так ей одна такая муха в голову заходит, начинает там кругами летать, овца тоже начинает по кругу вертеться, вот она и вертячка! Ну сейчас я ему голову выправлю!»

Мы оставили его выправлять голову ягненку и пошли к деревне. По пути мы то и дело посматривали на одного из ребят, он постоянно сопел

и шмыгал носом — не найдет ли на него вертячка. Но ничего с ним не случилось. Дома спросили, где мы были, мы сказали про мух и про ягненка, а нас отколотили и сказали, что мы весь день мотались как мухи безголовые.

Есть люди, которые вовсе не хотят прихлопнуть муху. Я вспоминаю, как мой дедушка раз в год становился беспокойным, выходил из дому рано поутру, принюхивался к рассвету и смотрел на горы. «Нету еще», — говорил он и на следующее утро выходил снова. Он гадал по каким-то травам, по росе, по муравьиным дорожкам, узнавал, когда прилетит муха. Как только муха прилетала, дедушка брал своего лучшего друга и вел его в горы, чтобы переночевать возле цветущей медуницы. Дедушка считал эту траву самой целебной, и, как только она зацветала, они с другом отправлялись ее искать. Вот какую власть над ними имела муха.

Вообще дедушка был человеком мухи и всегда через нее познавал людей. Однажды мой дядя сидел задумавшись, крошил табак и всё смотрел на лес. «Плохая в тебе муха, — говорит ему дедушка, — плохую муху ты проглотил, я вижу, как она держит тебя в своих лапках». «Не глотал я никакую муху», — сказал дядя и продолжил смотреть на лес. Он думал о том, что нужна новая оглобля для телеги. «Шел я тут как-то и заметил один хороший вяз». «Чей вяз?» — сразу спросил дедушка. Дядя ему сказал, чей, а дедушка как вскочит! Начал пророчить дяде врачанскую центральную тюрьму и пригрозил, что заставит его выплюнуть эту муху. Как он собирался это сделать, он не знал и сам, потому что всё повторял: «Ты у меня эту муху-то выплунешь!» — а дядя стоял на своем: «Срублю вяз!»

Добрая муха укусила дедушку, он пошел к соседу: так и так, — говорит. Сосед угостил его вином и стал жаловаться на злую жену, на злую тещу; пожаловался, что и сам стал злым и что срубил вяз дедушки, потому что и ему нужно было дерево для оглобли. Дедушка вернулся домой с готовой оглоблей, держит ее на плече и молчит, а дядя, поняв, в чем дело, сразу вскочил, схватил топор и пошел рубить вяз соседа. Всё бы хорошо, но в это же время муха влетела в избу соседа, укусила его куда надо, он тоже схватил топор — и к дяде. Обе мухи жужжат над их головами, а дядя и сосед переругиваются. Один кричит: «Да ты для меня просто муха!» — и другой кричит: «Да ты для меня просто муха!» — «Уйди с дороги или я раздавлю тебя, как муху!» — «Сам уйди с дороги!» Кто знает, чем могла бы закончиться эта история, если бы в это время на место действия не прибыл дедушка. Он пришел весь в мыле, с оглоблей на плече и закричал обоим, чтобы разошлись подобру-поздорову, но они не расходились. Тогда дедушка сказал им, что однажды два человека, которых вела злая муха, изрубили друг друга топорами, и тогда вылетел из леса целый мушиный рой, закрыл собой убитых, а на следующий день никаких убитых уже не было, было только два черных облака мух, которые носились туда-сюда. Злая муха хитрая, ишь как она вьется, когда выводит людей с топорами друг против друга! Дедушка выпустил добрую муху, и дядя и сосед взяли себе каждый

свой вяз, чтобы сделать оглобли. Злые мухи тогда рассердились: одна села на нос дяде, другая — на нос соседу. Дядя и сосед тоже рассердились и замахнулись, чтобы прибить мух, но насекомые взлетели, и каждый ударил себе по носу. С тех пор оба ненавидят мух.

Я частенько задумывался, как прихлопнуть муху и нужно ли истреблять всех мух? Если, например, человек хочет жениться, пусть женится, потому что иначе ему не прихлопнуть эту муху в самом себе; он будет только страдать от ее жужжания и не сможет никак от нее спастись. Иногда я даже думаю, что какая-то муха укусила Галилея, чтобы он сказал, что Земля вертится. И ведь Земля на самом деле вертится.

Нужно ли тогда прихлопнуть муху!

Может быть, в Китае с этим проще. Я слышал, что в Китае нет ни одной мухи и что если, например, во время собрания таковая появляется, то собрание резко прерывает свою работу, муху убивают, и только тогда работа продолжается. Я не был в тех местах, но не верю, что им там удалось прихлопнуть муху.

